

А.Ф. Кони, русская эмиграция и советская власть

Posted November 19th, 2009 by Editor

- Бакунцев Антон Владимирович
 - Выпуск №4. 2009г.
- История массовых коммуникаций

A.F. Koni, Russian Emigration and the Soviet Authorities

Бакунцев Антон Владимирович

кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, auctor@list.ru

Anton V. Bakuntsev

Ph D, Associate Professor, chair of editing, publishing and information science, Faculty of Journalism, Moscow State University, auctor@list.ru

Аннотация.

В статье рассказывается о последних годах жизни А.Ф. Кони, проведенных в Советской России, о причинах и формах его «сотрудничества» с большевиками и об отношении к этому факту русской эмиграции. Особое внимание уделяется появлению в печати Русского зарубежья в конце 1920 г. – начале 1921 г. ложных известий о смерти выдающегося юриста.

Ключевые слова: *А.Ф. Кони, русская эмиграция, большевики, дезинформация, культура.*

Abstracts

This article describes the last years of A.F. Koni`s life, which he spent in Soviet Russia. The paper analyses the reasons and ways of his “collaboration” with the Bolsheviks and shows the attitude of the Russian emigration towards this fact. Special attention is paid to the appearance of false information about the death of this remarkable lawyer in the Russian press abroad at the end of 1920 and the beginning of 1921.

Key words: *A.F. Koni, Russian emigration, Bolsheviks, disinformation, culture.*

Заочно погребенный

В декабре 1920 г. – январе 1921 г. в прессе Русского зарубежья распространилось известие о том, что в Петрограде скончался выдающийся русский юрист, судебный и общественный деятель, почетный член Российской Академии наук, сенатор, член Государственного совета Анатолий Федорович Кони. Например, парижская газета «Общее дело» 5 января 1921 г. (№ 174) поместила под заголовком «Кончина А.Ф. Кони» сообщение своего константинопольского корреспондента об этом событии и статью И.А. Бунина «Памяти А.Ф. Кони»¹. Аналогичные сообщения и некрологи появились и в других изданиях русского послереволюционного рассеяния.

Между тем весть о смерти А.Ф. Кони была ложной. «По-настоящему» бывший судебный деятель умер через шесть с лишним лет – 17 сентября 1927 г. А тогда, зимой 1920-1921 гг., он был жив, хотя и не вполне здоров (не давали покоя боли в сломанной некогда ноге и сердечные недомогания), готовил к изданию III и IV тома своего капитального труда «На жизненном пути»², с милостивого разрешения большевиков читал лекции и выступал с воспоминаниями.

Впоследствии, касаясь этого эпизода в биографии А.Ф. Кони, советские историки не упускали случая поглумиться над легковерием русской эмиграции, а то и прямо обвиняли ее в *умышленном* распространении дезинформации о смерти выдающегося юриста. Один из таких обличителей-«конников», В.И. Смолярчук, в свое время писал: «Русская эмиграция, окопавшаяся во Франции, Германии и других странах, не могла простить А.Ф. Кони того, что он остался в России и стал активно сотрудничать с новой властью, и начала распространять о нем самые нелепые слухи, в частности – несколько раз распространялся слух о его смерти»³.

Однако подобные обвинения не только несправедливы, но и исторически недостоверны. В том-то и дело, что в конце 1920 г. – начале 1921 г. большая часть эмиграции *еще ничего не знала* о сотрудничестве Кони с новым режимом. Иначе, без всякого сомнения, Бунин в статье «Памяти А.Ф. Кони» не стал бы с такой уверенностью писать, что престарелый юрист «доживал свой закат, будучи лишен самого необходимого, – свободы чувствовать и мыслить» и что «до конца своих дней он не запятнал своего чистого имени какой-либо идейной связью с насильниками и палачами»⁴.

О том, что у Кони были какие-то контакты с большевиками, за рубежом стало широко известно *не раньше конца февраля* того же 1921 г., когда в софийском журнале «Русская

мысль» З.Н. Гиппиус обнародовала свой «Дневник», где между прочим было сказано (запись датирована июнем 1919 г.): «Еще одного надо записать в синодик⁵. Передался большевикам А.Ф. Кони. Известный всему Петербургу сенатор Кони, писатель и лектор, хромой, 75-летний старец. За пролетку и крупу решил “служить пролетариату”. Написал об этом “самому” Луначарскому. Тот бросился читать письмо всюду: “товарищи, А.Ф. Кони – наш! Вот его письмо”. Уже объявлены какие-то лекции Кони – красноармейцам.

Самое жалкое – это что он, кажется, не очень и нуждался. <...> Зачем же это на старости лет? Крупы будет больше, будут за ним на лекции пролетку посылать, – но ведь стыдно!»⁶

Да, для Гиппиус Кони, видимо, *нравственно* умер еще в 1919 г. Но, повторяю, эта ее публикация появилась уже на исходе зимы 1921 г., то есть *после* сообщений о его *физической* смерти. Так что никакой мстительности, никакого злого умысла в действиях эмигрантской прессы, объявившей его умершим, не было: это произошло, скорее всего, по недоразумению. И в том, что русская эмиграция так легко поверила в смерть выдающегося юриста, нет ничего удивительного.

За рубежом знали, что состояние здоровья Кони, которому шел уже 77-й год, было не блестящим, и в голодном и холодном Петрограде он отнюдь не благоденствовал. К тому же в ту пору такие заочные «погребения заживо» были чуть ли не обычным делом. Очень характерны в этом смысле строки из письма И.Е. Репина к А.Ф. Кони по поводу «воскрешения» последнего. «Вера⁷ меня так обрадовала известием, что Вы живы и читаете лекции, – писал Репин 15/28 апреля 1921 г. со своей дачи «Пенаты» в Куоккала. – Я также был похоронен; и из Швеции получил даже сочувственный некролог с портретом...»⁸

Подобные недоразумения, как правило, были следствием *зыбкости* информационных связей между Русским зарубежьем и Советской Россией. Чтобы убедиться в этом, незачем далеко ходить за примерами. В упомянутом выше сообщении собственного корреспондента «Общего дела» в Константинополе говорилось: «В тифлисских газетах напечатан некролог А.Ф. Кони, скончавшегося, по словам “Правды” 15 декабря, в Петрограде»⁹. На самом деле «Правда» о смерти Кони в указанный период не писала, и, следовательно, тифлисские газеты либо что-то перепутали, либо сами зачем-то запустили эту информационную «утку».

Между тем сам Кони весть о собственной смерти воспринял с присущим ему хладнокровием и почти английским чувством юмора. Осенью 1921 г. он опубликовал в «пролетарском» журнале «Вестник литературы» большой очерк, в котором рассказывал о своей жизни, о своей педагогической и литературной деятельности при советской власти, о своих творческих и издательских планах. Очерк заканчивался словами: «В заключение, подражая английскому юмористу, к сожалению, вынужден прибавить, что известия некоторых зарубежных русских газет о моей смерти лишены достоверности, а сопровождающие их, как мне говорили, некрологи несколько преждевременны»¹⁰.

По свидетельству писателя-эмигранта Вас. И. Немировича-Данченко, старый юрист гораздо больше был расстроен, задет за живое тем, что говорилось о нем в «Дневнике» З.Н. Гиппиус. В 1927 г., после действительной смерти Кони, Немирович-Данченко вспоминал: «...И вдруг из Парижа в Петербург долетело, что там пишут, будто старый профессор и великолепный лектор А.Ф. Кони продан большевикам за жалкий паек и какое-то особенное положение в Советской России. Разумеется, маститый писатель в защите не нуждался. За него громко говорила вся его долгая, чистая, как кристалл, жизнь и самоотверженная общественная деятельность. Но не могу забыть, как глубоко задела его клевета <...> Я застал его в квартире на Надеждинской¹¹ больным, точно оглушенным...

– Вы слышали, как там отзываются обо мне? Обухом в темя.

Он попробовал улыбнуться, но это не вышло. Опустил голову.

– Могу сказать, дождался оценки»¹².

«Крупа» и «пролетка»

Без сомнения, сведения русской эмиграции о жизни «под серпом и молотом» бывшего «судебного деятеля» были довольно скудными и большей частью неточными. Вслед за Буниным и Гиппиус многие эмигранты полагали, что Кони на старости лет обратился к лекторской деятельности в пользу рабочих и красноармейцев исключительно из-за нужды – или, по едкому выражению Гиппиус, из-за «крупы» и «пролетки». Но на самом деле, как следует из процитированного выше автобиографического очерка Кони для «Вестника литературы» и некоторых его писем того времени, старый юрист руководствовался в данном случае совсем иными соображениями. В его желании читать лекции новой,

«пролетарской» молодежи не было никакой корысти, «крупа» и «пролетка» тут были ни при чем. Связи Кони с большевиками, его бесчисленные выступления в новообразованных советских университетах (1-м, 2-м и Железнодорожном), в Институте живого слова, в Школе русской драмы, на курсах Всемирной литературы в Аничковом дворце и во всевозможных «народных библиотеках» и клубах «крупы»-то ему как раз не прибавили – равно как и не сделали его вполне «своим» в глазах новых властителей России (хотя «пролетку» одно время за ним все-таки присылали – но не по собственной инициативе, а по просьбе студентов).

Из воспоминаний К.И. Чуковского, Т.Л. Щепкиной-Куперник можно понять, что Кони, который и до революции, при всех своих регалиях, жил скромно, с приходом к власти большевиков оказался в настоящей – ужасающей, отвратительной – нищете. Новое правительство не платило ему даже самой маленькой пенсии, а гонорары, которые он получал за лекции, были ничтожны – и очень характерны для того времени. Например, так называемые клубы «вознаграждали его – да и то не всегда! – ржавой селедкой или микроскопическим ломтиком заплесневелого хлеба»¹³; в Институте живого слова плата «за восемь лекций в месяц» составляла всего 2 рубля 40 копеек¹⁴. Но бывало и того хуже: «Недавно я был у А.Ф. Кони, – писал Чуковский в Лондон писательнице и журналистке А.В. Тырковой-Вильямс 27 апреля 1922 г. – Этот 78-летний старик добывает пропитание лекциями в грязных (и часто пустующих) клубах. Жалованья ему не платят. Он принужден продавать свои книги»¹⁵.

И выглядел Кони в то время так, что, по свидетельству Чуковского, иные «сердобольные женщины – это бывало не раз! – покушались подавать ему милостыню»¹⁶. Едва ли прежние знакомцы Кони, бежавшие от революции за границу (тот же Бунин), узнали бы в этом обтрепанном, колченогом, еле ковыляющем на своих костыльках по Петрограду старике прежнего гордого, независимого Кони, прозванного «красным прокурором» после известного процесса над В.И. Засулич¹⁷ в 1878 г. Тем не менее, писала Щепкина-Куперник, когда «его спрашивали, зачем он читает за такое скудное вознаграждение, тратя последние силы и здоровье, – он отвечал:

– Люблю я молодежь – я бы и даром ей читал»¹⁸.

Таким образом, не нужда, не мысль о «хлебе насущном» заставили Кони «написать “самому” Луначарскому» и затем взойти на кафедру: его влекла сама *кафедра*, «профессура», как он называл свою лекторскую деятельность. В письмах к издателю

И.Д. Сытину и к профессору, доктору права Н.Н. Полянскому Кони прямо говорил о той радости, которую ему доставляет общение с молодежной аудиторией. «Трудно предугадывать будущее, – писал он Н.Н. Полянскому 16 сентября 1919 г., – но профессура так меня захватила, что я даже не хотел бы вернуться в судебную деятельность. Меня эти занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи очень трогает»¹⁹.

Ту же мысль Кони выразил и в своем очерке для «Вестника литературы»: «Несмотря на многие условия переживаемого времени, сводящие у многих всю мысль к “хлебу насущному” в буквальном смысле слова, я встретил в учащейся молодежи обоего пола несомненную жажду знания и интерес к нему, причем не раз пришлось испытывать отрадное чувство духовной связи лектора со слушателями»²⁰.

Однако в воспоминаниях Вас. И. Немировича-Данченко читаем другое. По словам мемуариста, Кони говорил: «Никогда не думал, что мне будет так тяжело говорить для новой аудитории... Сидят, случается, против меня, силятся сообразить и не могут... Самые элементарные положения надо пережевывать. Разумеется, есть исключения. Но между хорошо подготовленными и остальными провал. И не придумаешь, как его заполнить»²¹. И еще – объясняя, почему он не дает себе отдыха, изматывает себя лекциями: «Разве вы не видите, как мысль и сознание отстают перед напором невежества и безграмотности? В общественность и на государственную работу выступают массы из такой темени, в которой им нельзя было ничему научиться. Я говорю не о политической борьбе, в ней мы сейчас бессильны, а о защите того, что было завоевано нашей культурой... Чего стоит теперь один язык, которым говорят и пишут. И потом, какая самоуверенность безграмотности. Сегодня матрос мне подчеркнуто громко: “Что ж ваш Толстой? Попробовал бы он у нас на ‘Авроре’... Все это не настоящее и народу совсем не нужно”. – А вы его читали? – спрашиваю. – “Стану я. Барская рухлядь... Нам она ни к чему”»²².

И в письме к А.И. Южину-Сумбатову от 19 июля 1920 г. Кони сообщал: «...У меня наступила передышка в моих *тягостных занятиях* по бесчисленным лекциям и публичным чтениям, *чрезвычайно* меня *утомлявшим*, и я стал немного принадлежать себе...»²³ [курсив мой. – А.Б.].

Все это, конечно, говорит о том, что «профессура» давалась Кони нелегко – не только физически, но и морально. Она была для него, по сути, истинным подвигом самоотречения, цель которого была в том, чтобы *элементарно* просветить представителей

«победившего класса», научить их уважать достижения национальной культуры и тем самым, в конце концов, уберечь ее, культуру, от почти неминуемого разрушения.

Вероятно, именно этим в первую очередь объясняется упорное нежелание Кони покинуть Россию, притом что, с одной стороны, эмигранты усердно и настойчиво звали его к себе, а с другой – само советское правительство не менее настойчиво пыталось вытолкать его за границу, маскируя свои намерения мнимой заботой о его здоровье.

«Экцессы революции»

В 1927 г., после смерти Кони, А.В. Луначарский напечатал в журнале «Огонек» (№ 40) статью под названием «Три встречи». В ней, среди прочего, нарком просвещения с умилением вспоминал о том, как Кони в конце 1917 г. запиской пригласил его к себе домой и какой разговор между ними состоялся²⁴.

Известно, что Кони попросил Луначарского о встрече только для того, чтобы получить разрешение читать лекции и выступать с воспоминаниями. Но, в передаче Луначарского, эта весьма скромная и недолгая встреча превратилась, со стороны Кони, в настоящую демонстрацию собственных верноподданнических чувств по отношению к советской власти. Со слов наркома просвещения, бывший член Государственного совета Российской империи отзывался о большевистской революции весьма сочувственно.

«Мне кажется, – говорил он, по утверждению Луначарского, – что последний переворот действительно великий переворот. Я совсем не знаю, почти абсолютно никого не знаю, ну, никак не знаю ни одного из ваших деятелей, но я чувствую в воздухе присутствие действительно сильной власти. Да, если революция не создаст диктатуры – диктатуры какой-то мощной организации, – тогда мы, вероятно, вступим в смутное время, которому ни конца, ни края не видно и из которого Бог знает что выйдет, может быть, даже и крушение России. Вам нужна железная власть и против врагов, и против эксцессов революции, которую постепенно нужно одевать в рамки законности, и против самих себя. Ведь в таком быстро организующемся правительственном аппарате, который должен охватить землю от Петербурга до последней деревушки, всегда попадет много сора. Придется резко критиковать самих себя. А сколько будет ошибок, болезненных ошибок, ушибов о разные непредвиденные острые углы. И все же я чувствую, что в вас действительно огромные массы приходят к власти. Тут действительно открываются возможности широчайшего подбора властителей по доверию народа, проверенных на деле... Ваши цели колоссальны, Ваши идеи кажутся настолько широкими, что мне,

большому оппортунисту, который всегда соразмерял шаги соответственно духу медлительной эпохи, в которую я жил, – все это кажется гигантским, рискованным, головокружительным... Но если власть будет прочной, если она будет полна внимания к народным нуждам... что же, я верил и верю в Россию, я верил и верю в гиганта, который был отравлен, опоев, обобран и спал. Я всегда предвидел, что, когда народ возьмет власть в свои руки, это будет совсем в неожиданных формах, совсем не так, как думали мы, прокуроры и адвокаты народа. Так оно и вышло. Когда увидите Ваших коллег, передайте им мои лучшие пожелания»²⁵.

Трудно судить о том, насколько правдиво это свидетельство Луначарского, которого, например, И.А. Бунин в своих выступлениях в эмигрантской прессе величал не иначе, как «болваном», «мерзавцем», «полным ничтожеством с противоестественными наклонностями» и «гадиной». Но даже если «красный прокурор» и впрямь столь горячо выразил свою лояльность новому, *красному* режиму, это все равно не оградило его от тех самых «эксцессов революции», о которых он говорил нарком просвещения.

В конце октября 1919 г., в один из тех дней, когда в Петрограде был раскрыт белогвардейский заговор, известный всему городу лектор Кони подвергся унижительному обыску и аресту: ночь с 23 на 24 октября 75-летний больной старик провел в камере ЧК. Назавтра Кони выпустили, но часть конфискованных при его аресте вещей, преимущественно мемориальных, бесследно исчезла. «Я помню, – пишет Немирович-Данченко, – как А<натолий> Ф<едорович> у нас в Доме Литераторов жаловался на варварский обыск, произведенный у него этими одичавшими буйволами. Они не только перевернули все его книги, совершенно изгадив некоторые издания. Все записки, манускрипты, дневники, заметки, памятные листки, приведенные им в строгий порядок, были разбросаны, перемешаны, затоптаны.

Надо отдать справедливость Анатолию Федоровичу! Он не изводился малодушными, впрочем, ни к чему не ведущими жалобами. Он с величайшим достоинством переносил все невзгоды того времени»²⁶.

Через полтора года красные вожди заинтересовались «красным прокурором» снова. 8 марта 1921 г. управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов по поручению Ленина отправил Луначарскому «секретное отношение за № 2244», в котором говорилось: «Посылаю Вам при этом список ученых. Владимир Ильич очень интересуется этой группой и просит Вас дать характеристики известных Вам из этого списка ученых,

инженеров, литераторов и пр.»²⁷. В списке значились: академики В.А. Стеклов, А.Ф. Иоффе, А.Ф. Кони, С.Ф. Платонов, Ф.И. Щербацкий, В.М. Бехтерев, А.Н. Бенуа, художник Б.М. Кустодиев, архитекторы В.А. Щуко, И.А. Фомин, поэт А.А. Блок и др.

К чести Луначарского, обо всех этих людях он отозвался в ответном письме благопрятно и тем самым, вероятно, спас их от затевавшихся «вождем мирового пролетариата» репрессий. О Кони он написал так:

«Академик Кони – пожелал познакомиться со мною еще в начале 1919 г. Мы имели с ним большой разговор, в котором и высказался чрезвычайно дружески по отношению к новому режиму, от души желал успеха новой России, говоря, что только такой “свирепо-радикальный” переворот и переход власти в руки одновременно смелых и близких народу людей и в то же время знающих, что в России силой авторитета ничего не сделаешь, – был единственным выходом из создавшегося положения. Кони говорил мне тогда: “Между монархией и большевизмом решительно ничего жизнеспособного не вижу”. С тех пор Кони принимал участие в качестве лектора в разных наших учебных заведениях, например, в Институте живого слова, выступал с разными воспоминаниями и окрашивал их неизменно в более или менее симпатичный для Советской власти дух»²⁸.

«Невольник» чести

Такое чересчур пристальное внимание – и вообще совсем непочтительное отношение советских правителей к старому юристу плохо согласуется с уверениями советских «кониведов» и мемуаристов, будто у Кони с новым режимом был полный альянс. Даже несмотря на то, что Кони, как пишет С.А. Высотский, помогал «новой судебной власти», пообещал после свидания с ее представителями «консультировать по особо сложным делам, читать лекции юристам»²⁹ и даже написал комментарий к первому уголовному кодексу РСФСР, он явно мешал правительству, был чем-то вроде соринки в глазу, раздражал своим *докучливым* стремлением нести, по выпренному выражению его биографов, «сокровища своих знаний в гущу народа»³⁰.

Вряд ли у большевиков было намерение заключать его в тюрьму или тем более расстреливать. Но когда в ВЧК готовились списки «пассажиров» будущего «философского парохода», власти наверняка подумывали о том, чтобы включить в эти списки и Кони. Секретная записка Луначарского, по-видимому, уберегла его от этого.

Тогда правительство стало действовать по-другому. Советские биографы Кони и мемуаристы хором твердят, что красные вожди не раз предлагали ему выехать за границу *на лечение*. С учетом того, что в то же самое время (например, в 1921 г.) далеко не всем деятелям культуры, *страстно желавшим* уехать за рубеж, удавалось это сделать – последнее слово оставалось за ВЧК³¹, – подобные предложения не могут расцениваться иначе, кроме как попытки «мягкой», «ненавязчивой», «интеллигентной» ссылки. При всем своем «заборном» и «зоологическом», как выражался И.А. Бунин, цинизме большевистская власть все же не могла не считаться с возрастом и едва ли не всемирной известностью «старого оппортуниста».

Однако, как известно, Кони от этих предложений неизменно и наотрез отказывался. По словам его биографов, он «понимал, что в его возрасте это значило бы навсегда покинуть Россию. Сохранилась записка, разбитая на две колонки – “за” и “против” поездки. <...> И вот что говорило “против”: “Переехав за границу, я обрекал бы себя на тяжкую тоску по родине и оставлял бы в России дорогих мне людей”. Кони не мог “покинуть родину навсегда и в ее судьбе не принимать никакого участия”. Его вдохновляла мысль о творческом труде во имя просвещения народа, только что завоевавшего свободу»³².

«Вдохновляла» ли его такая мысль *на самом деле*, сказать трудно. Но в любом случае *подлинные* причины отказа Кони покинуть Россию нам неизвестны. Вас. И. Немирович-Данченко предполагал, что «не одно недомогание и сломанная нога удерживали его в Советской России. Ведь любая кафедра за рубежом была бы ему предложена, пожелай он только. Его привязывали к Петербургу и любимые книги, с которыми он сжился, как со старыми и верными друзьями. Любимые книги и дневники и записки его драгоценнейш<его> архива. Но, понятно, большевицкие Неуважай-Корыты никак не могли понять и оценить таких привязанностей»³³. Советские историки, естественно, настаивали на том, что новый режим, несмотря на все «эксцессы революции», в своей основе был близок душе старого юриста. Например, В.Н. Сашонко писал, что «вопрос о том, с кем быть ему после революции, разрешен был для него, собственно, еще задолго до Октября – разрешен всей его жизнью, всеми его поступками и делами»³⁴.

В опубликованных бумагах Кони как будто есть косвенное подтверждение этому тезису. Кони, несомненно, приветствовал падение монархии. В его письме профессору Н.Н. Полянскому есть такие слова: «весь порядок вещей, олицетворявшийся А<лександром> III, и основанный на нем “образ действий” канули, надеюсь, в вечность»³⁵. Но это вовсе не значит, что новый «порядок вещей», олицетворявшийся уже

большевиками, и основанный уже на нем, новый «образ действий» его вполне устраивали. Как говорилось выше, больше всего «старого оппортуниста» смущало и беспокоило торжество воинствующего невежества и все того же «заборного» всеобъемлющего нигилизма, и соответственно Кони, надо думать, чувствовал себя *обязанным* быть чем-то вроде «рыцаря» или «хранителя» так называемой «старой» культуры – столь же великой, сколь и беззащитной, хрупкой в руках ее новоявленных «хозяев».

Насколько это было актуально в то время, можно судить по следующим строкам из насквозь тенденциозного, но местами очень верного и меткого очерка М. Горького «В.И. Ленин»: «Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году, в Петербурге, был съезд “деревенской бедноты”. Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, – уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, исказить, осмеивать, порочить прекрасное»³⁶.

Сознанием собственной, *личной* ответственности за сохранность этого «прекрасного» и заботой о культурном развитии будущих поколений, а вовсе не особым расположением к большевикам, по-видимому, и следует объяснять поступки Кони после Октябрьского переворота. И в этом смысле он, несомненно, стал «невольником» собственной чести, «заложником» собственного благородства. То, что Гиппиус поняла как желание «служить пролетариату», в конце концов и погубило его. «Весной 1927 года Кони простудился, читая лекцию в холодной аудитории. Затянувшаяся болезнь привела к роковому концу. Скончался Анатолий Федорович 17 сентября 1927 года в возрасте 83 лет»³⁷.

-
1. В «Общем деле» статья была подписана инициалами И. Б., но редакция рижского еженедельника «Сегодня понедельник» при перепечатке этого некролога (1921. Янв., 17. № 3. С. 1) раскрыла инкогнито автора, указав его имя полностью: И. Бунин.
 2. Пять томов этой книги вышли в 1912–1929 гг. в Петербурге и Ревеле.

3. Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. М., 1981. С. 202.
4. И<ван> Б<унин>. Памяти А.Ф. Кони // Общее дело (Париж). 1921. Янв.,5. № 174. С. 5.
5. Синодик – церковная книга, в которую вписывают имена умерших.
6. Дневник Зинаиды Николаевны Гиппиус // Русская мысль (София). 1921. Кн. 1-2. С. 168-169.
7. Имеется в виду В.И. Репина – дочь художника.
8. Репин И.Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 224.
9. Общее дело (Париж). 1921. Янв.,5. № 174. С. 3.
10. Кони А.Ф. <Чем заняты наши писатели> // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 16.
11. Улица в Петербурге.
12. Немирович-Данченко Вас. Великий сеятель (Несколько страниц об А.Ф. Кони из книги «Иов на гноище») // Сегодня (Рига). 1927. Окт.,2. № 222. С. 4.
13. Чуковский К. Анатолий Федорович Кони // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 5.
14. Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. Воспоминания. М., 2005. С. 469.
15. С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 357.
16. Чуковский К. Указ. соч. С. 5.
17. Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – деятель русского революционного движения. 24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, по приказу которого в Петропавловской крепости был висечен заключённый революционер Боголюбов (А. Емельянов). 31 марта 1878 г. суд присяжных под председательством А.Ф. Кони вынес ей оправдательный приговор, вызвавший единодушное одобрение общественности.
18. Щепкина-Куперник Т.Л. Указ. соч. С. 469.
19. Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 307-308.
20. Кони А.Ф. <Чем заняты наши писатели> // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 15.
21. Немирович-Данченко Вас. Указ. соч. С. 4.
22. Там же.
23. Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 308.
24. В существующей литературе имеются расхождения в датировке их встречи:
В.И. Смолярчук относит ее к декабрю 1917 г. (см.: Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 193), а сам Луначарский – к началу 1919 г. (см.: В.И. Ленин и А.В. Луначарский.

- Переписка. Доклады. Документы / Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 258).
25. Цит. по: Волк С., Выдря М., Муратов А. Анатолий Федорович Кони //Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 24-25;Смолярчук В.И.Указ. соч. С. 195-196.
 26. Немирович-Данченко Вас. Указ. соч. С. 4.
 27. В.И. Ленин и А.В. Луначарский... С. 257.
 28. Там же. С. 258.
 29. Высоцкий С.А. Кони. М., 1988. С. 413.
 30. Волк С., Выдря М., Муратов А. Указ. соч. С. 25.
 31. См. об этом: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 19–22.
 32. Волк С., Выдря М., Муратов А. Указ. соч. С. 34.
 33. Немирович-Данченко Вас. Указ. соч. С. 4.
 34. Сашонко В.Н. А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1991. С. 288.
 35. Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 308.
 36. Горький М. Литературные портреты. Минск, 1986. С. 23.
 37. Волк С., Выдря М., Муратов А. Указ. соч. С. 35.